ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ВЕРБАЛЬНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В МУНИЦИПАЛИТЕТАХ

Громова Н. С.

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых и социальных дисциплин, Уральский институт коммерции и права (Россия), 620075, Россия, г. Екатеринбург, ул. Луначарского, д. 81, gromovans@mail.ru

УДК 323
ББК 66.3(2Рос),41

Цель. Анализ специфики вербального экстремизма как первичной стадии любых экстремистских действий и выявление роли муниципальных образований в процессе предупреждения его появления.

Методология. Исследование базируется на методах сравнительно-правового анализа в рамках определения терминологии, юрислингвистического анализа при идентификации лингво-правовых явлений, а также формально-логического и статистико-социологического.

Результаты. Выявлены особенности существования экстремизма в современной российской действительности, сформулированы характеристики вербального экстремизма и определено его место в экстремистской деятельности, предложена стратегия профилактики вербального экстремизма в рамках муниципальных образований.

Научная новизна. Раскрыты концептуальные характеристики вербального экстремизма, определены его сущностные черты и дана авторская классификация, что позволяет определить формы борьбы с данным явлением. Определена возможная роль муниципального образования в борьбе с вербальным экстремизмом.

Ключевые слова: экстремизм, вербальный экстремизм, профилактика экстремизма, компетенция органов местного самоуправления.

PROBLEMS OF PREVENTION OF VERBAL EXTREMISM IN MUNICIPALITIES

Gromova N. S.

Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Assistant Professor of Public Law and Social Sciences, Ural Institute of Commerce and Law (Russia), 81, Lunacharskogo st., Yekaterinburg, 620075, gromovans@mail.ru

Purpose. Analysis of the specifics of verbal extremism as the initial stage of any extremist actions and detection of the role of municipalities in the process of prevention of its occurrence.

Methodology. The study is based on the methods of comparative legal analysis in the determination of terms, legal and linguistic analysis in the identification of linguistic and legal phenomena, and formal-logical and statistical and sociological.

Results. In the article features of existence of extremism in modern Russian reality are revealed, characteristics of verbal extremism and determined its place in extremist activity are formulated, a strategy for the prevention of verbal extremism within municipalities is proposed.

Scientific novelty. Disclosed conceptual characteristics of verbal extremism, identified its essential features and the classification given to the author, that allows to define the forms of struggle with this phenomenon. Identified possible role of the municipality in dealing with verbal extremism.

Key words: extremism, verbal extremism, prevention of extremism, the competence of local authorities.

© Громова Н. С., 2015

Громова Н. С.

В рамках современной политической обстановки и возрастающей социумной конфликтогенности под влиянием внутригосударственных и мировых процессов все острее встает вопрос о поиске баланса между толерантным отношением к разным религиям и культурам и сохранением собственной социокультурной идентичности. Эта проблема приобретает общегосударственное значение, т. к. участие в международных отношениях, принятие норм международного права, корректировка внутреннего законодательства зависят от выбранной траектории развития государства.

В условиях определения государственной стратегии при решении данного вопроса в каждой стране – Россия не является здесь исключением – происходит «дихотомическое деление» сторонников. Биполярное позиционирование при этом становится причиной массовых конфликтов как внутри государства, так и при межгосударственных взаимодействиях, поскольку наличие третьей точки зрения не предполагается. Одни выступают за сохранение собственной культуры в неизменном виде любой ценой, без возможной ее трансформации и адаптации к современным условиям бытования; другие – стремятся интегрироваться в общемировые процессы и стать их частью, полностью приняв новые ценности. Единомышленники настолько консолидируются, что их идеи приобретают вполне четкие очертания, вырабатываются способы достижения цели, формируется идеология и начинается борьба позиций, характеризующаяся «крайностью» воззрений и действий, т. е. экстремизмом.

Под экстремизмом традиционно понимают «приверженность к крайним взглядам, мерам» [1]. Стоит особо выделить показатель «крайности», являющийся одним из основных. Данный постулат хорошо отражен при характеристике экстремизма в работе «Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики», авторы которой справедливо отмечают «крайность» конкретных деяний «и в целях и в средствах» [2], что может быть ориентиром при определении экстремистской направленности. Среди мер экстремистского воздействия обычно выделяют провокацию беспорядков и террористические акции [3].

Правовая характеристика экстремистской деятельности (экстремизма) дана достаточно подробно в статье 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [4], и под это определение подпадают действия, которые можно сгруппировать в 2 вида:

1. *По целевой принадлежности к экстремизму*: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии и др.

2. *По выбору средств экстремистской деятельности*: публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг и др.

Одной из проблем в определении термина «экстремизм» становится, как отмечает В. Соловей то, что «в России появляется новая политическая мода: именовать любой эксцесс вне зависимости от его характера экстремизмом» [5]. Это действительно отражает современные тенденции и приводит к смещению акцентов в этом вопросе, широким общественным дискуссиям и нивелированию истинных признаков явления. Так, появляются словосочетания «потребительский экстремизм», «молодежный экстремизм», «избирательный экстремизм», которые приводят к потере политической составляющей данной лексемы. Особое место занимает наличие термина «политический экстремизм», который встречается в работах многих ученых: М. И. Лабунца, Е. С. Назаровой, А. В. Петрянина, Н. А. Романова и В. И. Чупрова др. Данный термин является оправданным с точки зрения законодательства, как отмечает А. В. Петрянин [6], т. к. упоминается в ряде подзаконных актов в качестве самостоятельного. Однако существование такого термина, на наш взгляд, кажется своеобразным плеоназмом, поскольку все перечисленные законодательно характеристики экстремизма так или иначе имеют политические предпосылки или последствия.

Борьба с экстремизмом в России долгое время не имела системного характера в силу ряда причин: неточность дефиниций в законодательстве; неоднотипность реакции правоохранительных органов;

несогласованность деятельности федеральных, региональных и муниципальных органов; общественный инфантилизм и др. Н. В. Кузьмина отмечает и проблемы понятийно-терминологического характера. В частности, при квалификации преступлений экстремистской направленности выявляется недостаточность знаний о психологическом наполнении субъективной стороны соответствующих составов и не проработанность в отношении данных категорий дел понятия «мотив преступления» [7].

Необходимо отметить, что в силу модификации международной обстановки, более пристального внимания со стороны Президента РФ, внесения изменений в ФЗ «О некоммерческих организациях», ужесточении ответственности за экстремистскую деятельность, наблюдается положительная тенденция – постепенно складывается определенная система по противодействию экстремистской деятельности на территории Российской Федерации, чему способствует как повышение квалификации правозащитников, так и более пристальное внимание научного сообщества к данным проблемам.

Научные и эмпирические подходы в изучении вопросов экстремизма можно разделить на три большие группы: общетеоретические, частноприкладные и междисциплинарные.

В первой категории представлены различные подходы, позволяющие понять исторические предпосылки и специфику появления или бытования данного феномена, общие характеристики явления, классификации и возможные способы противодействия: В. В. Бирюков, С. В. Борисов, В. Кашепов, Е. В. Сальников и пр. При этом в сферу интересов исследователей в данном направлении попадает в основном конкретная практическая деятельность, имеющая материальные сиюминутные последствия, поэтому чаще всего обращаются к анализу терроризма. В частности, можно привести работы таких авторов, как Ю. М. Антонян, К. Н. Салимов, С. А. Эфиров. Вопросы выявления первопричин появления и условий, обеспечивающих широкомасштабное распространение идей, уже сформированных и активно функционирующих экстремистских объединений также поднимаются в научном сообществе. Например, Р. Х. Джумаева, А. В. Смагина, Д. И. Сопун.

В рамках подхода к рассмотрению положительных последствий экстремизма интересна работа «Addressing Extremism» (Преодоление экстремизма) [8], авторами которой являются Питер Т. Коулман и Андреа Бартоли. Они отмечают, что экстремизм позволяет обратить внимание оппонентов, общества в целом и международного сообщества к скрытым проблемам субъекта экстремизма и мотивировать влиятельные силы на участие в переговорах или даже привести к вмешательству третьих сил.

К частноприкладным можно отнести работы, решающие четко очерченные проблемы в рамках анализа отдельно взятого феномена или проблемы. Особое внимание исследователей различной направленности: юристов, социологов, философов, психологов – привлекает вопрос о средствах манипуляции общественным сознанием в целом или отдельных социальных групп. В «группе риска» чаще всего оказывается молодежь в силу различных причин социально-личностного характера, поэтому многие исследователи вполне обоснованно обращаются к влиянию экстремистской идеологии на них. Ряд таких работ представлен следующими учеными: Н. Б. Бааль, Ю. Р. Вишневский, А. А. Козлов, Р. О. Кочергин, С. Н. Фридинский, В. Т. Шапко. Особое внимание также уделяется в работе С. Н. Фридинского проявлениям религиозного экстремизма, что становится все более актуальным в рамках современных тенденций по формированию религиозных общин, сообществ и даже государств.

К третьей группе, междисциплинарным, стоит отнести работы, рассматривающие феномен экстремизма сквозь призму неюридического подхода: психологического, социологического, лингвистического. В рамках данной работы нас будут интересовать юрислингвистические исследования, поскольку именно в них появляется термин «вербальный экстремизм», который не имеет правового определения, но достаточно подробно рассматривается в науке.

По справедливому замечанию Е. И. Галяшиной, «в информационную эпоху словесные проявления экстремизма (распространение определенных идей) являются не менее, а часто более общественно опасными правонарушениями, чем «традиционные» [9]. Вербальные преступления и провокации в мировом масштабе встречаются все чаще, чем террористические акты, что свидетельствует о масштабности данного явления. Данный вид относится к категории речевых преступлений, совершение которых карается на основании статей Уголовного Кодекса РФ, Гражданского кодекса РФ и Кодекса РФ об административных правонарушениях. Речевые преступления совершаются «посредством вербального поведения, путем использования продуктов речевой деятельности, т. е. текстов» [10]. В данной работе под термином «вербальный экстремизм» будем понимать следующее: экстремистскую деятельность, облаченную в словесную форму или содержащую словесные элементы в процессе передачи информации. Помимо данного термина ученые и публицисты А. М. Верховский, А. Денисова, Е. С. Кара-Мурза, используют и другие: словесный экстремизм, язык вражды, речь ненависти.

В рамках классификации вербального экстремизма можно говорить о политическом и этническом; однонаправленном и полинаправленном; эксплицитном

и имплицитном и др. [11] При характеристике вербального экстремизма с точки зрения целевой направленности стоит рассмотреть пропагандистский и агитационный виды, которые принципиально отличаются. Пропаганда – это распространение определенных фактов, убеждений, мнений, идеалов, взглядов с целью формирования у адресата определенной целостной системы суждений или идеологии. Агитация – это воздействие на сознание адресата с целью побуждения его к действиям. В первом случае мы имеем дело с осознанным действием лица под влиянием его убеждений, во втором же действие является псевдоосознанным, т. к. информация не переходит в категорию личных, а навязывается с помощью манипулятивных вербальных стратегий индивиду. Результаты агитационной деятельности приводят к конкретным действиям, как правило, в течение непродолжительного времени, а вот пропаганда – может не иметь быстрой реализации, она направлена на долговременные и более масштабные результаты.

Таким образом, характеризуя вербальный экстремизм, можем сделать вывод о том, что вербальный экстремизм является первичной стадией всех конкретных результатов экстремистской деятельности, без его существования невозможны и другие проявления экстремизма. Следовательно, основные усилия по борьбе с экстремизмом стоит сконцентрировать именно на профилактике данного вида преступлений.

В рамках проведения профилактической деятельности в отношении вербального экстремизма выделяется целый ряд проблем и остается множество нерешенных вопросов: с чем конкретно бороться, кто должен это делать и какие средства использовать? В рамках данного исследования попытаемся определить ответы на все три вопроса.

Во-первых, что входит в понятие «вербальный экстремизм» с научной точки зрения мы определили, но на практике возникает ряд серьезных проблем, поскольку экстремистские взгляды и убеждения являются частью общественной парадигмы свободомыслия. Каждый гражданин Российской Федерации обладает правом на свободу мысли и слова, что закреплено в ч. 1 ст. 29 Конституции РФ [12]. К широкому общественному резонансу со стороны правозащитников и псевдоборцов за свободы граждан, особенно «иностранных агентов», приводят любые судебные дела, связанные с возможным ограничением свободы человека. В рамках построения гражданского общества это вполне оправдано, но при не систематическом контроле может привести к подрыву основ конституционного строя и развитию деятельности экстремистских организаций. Поэтому главным критерием «опасности» высказывания становится масштаб последствий его распространения и частность бытования. При этом в круг явлений, с которыми нужно бороться, не входят личные мнения и суждения, если они не содержат открытого или скрытого призыва к совершению противоправных действий или их пропаганды, а только отражают позицию автора высказывания. Оскорбление и клевета, являясь также вербальными преступлениями, не относятся к экстремизму, и при использовании субъектом обсценной лексики, например, в адрес органов государства, нельзя обвинить его в экстремизме.

В современном обществе практически не остается открыто экстремистских организаций, которые бы официально признавали себя таковыми, вели пропаганду, провозглашали лидера, поскольку государства запрещают их деятельность. Все чаще мы встречаемся со скрытыми призывами, распространяемыми анонимно, что вполне безопасно для адресанта и имеет не меньшее воздействие на адресатов. Именно для такой деятельности подходит Интернет, где в последнее время значительно активизировались подобные факты агитации и пропаганды. Распространение информации через Сеть имеет целый ряд преимуществ, но мы акцентируем внимание на лингвопсихологическом феномене – креолизации текста, т. е. соединении в рамках одного сообщения кодов вербальных (слов) и невербальных (рисунки, таблицы, фотографии, анимация, звукоряд). Подобное сращение информационных потоков приводит к более сильному воздействию на человека, он воспринимает сообщение сразу по нескольким каналам, что приводит к активизации процессов актуализации содержания. Коммуникативный эффект двухкодового или поликодового текста обеспечивает целостность и связность произведения, что достигается взаимодействием вербального и иконического компонентов [13]. Именно Интернет-дискурс с его особенностями, о которых подробно говорится в коллективной монографии «Интернет-коммуникация как новая речевая формация» [14], позволяет практически зомбировать отдельные группы населения. Поэтому, когда мы говорим о борьбе с экстремизмом, нельзя упускать из виду такой активный канал передачи информации как Интернет, что и отражено в статьях 280 и 282 Уголовного Кодекса РФ.

Еще один критерий, о котором упоминают социологи и психологи – это идеологическая мотивация. Как справедливо отмечает И. В. Вехов, «принятие индивидом экстремистской идеологии само по себе не является экстремизмом с точки зрения законодательства», но это уже может представлять собой опасность для общества. Поэтому анализ мотивации и ее словесное выражения должны иметь принципиальное значение при определении фактов экстремизма.

Таким образом, можем определить три важных признака экстремистского высказывания: высокий уровень общественной опасности, повторяемость, наличие идеологического обоснования.

Во-вторых, определим круг субъектов, которые отвечают за профилактическую деятельность в сфере экстремизма и противодействие этому явлению.

Законодательство Российской Федерации определяет субъекты противодействия и профилактики, к которым относятся федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления. В компетенцию органов государственной власти, в основном, входит подготовка стратегий противодействия экстремизму, формирование особых органов, выработка целевых программ на долгосрочную перспективу. А вот в компетенцию муниципальных властей как раз входит осуществление конкретных действий и претворение в жизнь запланированных мероприятий. И от того, как они будут реализованы, зависит результативность всей государственной политики в этом вопросе.

Статьи 4 и 5 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» четко определяют необходимость участия органов местного самоуправления в осуществлении профилактики экстремизма. В содержании Программы мероприятий по профилактике экстремизма на территории Свердловской области на 2015 год также можем в числе исполнителей увидеть органы местного самоуправления муниципальных образований Свердловской области. Согласно статье 9 Устава муниципального образования «город Екатеринбург» к вопросам местного значения муниципального образования относится «участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма в границах муниципального образования».

Стоит отметить, что экстремизм – это не абстрактное понятие, а вполне конкретная деятельность, которая четко ориентируется на потенциальную аудиторию, поэтому имеет локальную привязку. В 2013 году Я. П. Силин в интервью ИА REGNUM отметил, что особая роль при повышении эффективности в борьбе с экстремизмом отводится работе муниципальной власти, поскольку проблемы экстремистского рода рождаются в конкретных муниципалитетах.

При этом довольно сложно себе представить, что специфику муниципалитета может знать кто-то лучше муниципальной власти, наиболее приближенной к населению, поэтому несколько странным является предложение отдельных глав отказаться от выполнения данных полномочий. В частности, довольно резонансным оказалось прошлогоднее заявление главы города Губкинский В. В. Лебедевича о «лишних» функциях муниципальной власти: вопросы гражданской обороны, предупреждение возникновения чрезвычайных ситуаций, а также – профилактика экстремизма и терроризма.

Нужно понимать, что даже Межведомственные комиссии по противодействию экстремизму Российской Федерации или Свердловской области не смогут выявить зарождение экстремисткой организации в конкретном муниципальном образовании, только работа на месте даст положительный результат. В 2014 году отмечен рост количества преступлений экстремисткой направленности в Свердловской области более чем на 30 %, что является следствием ряда социальных процессов и связано с национальным и религиозным многообразием населения. Особенно контингент населения влияет на выбор средств борьбы с экстремизмом, только в рамках конкретного муниципального образования можно определить наиболее результативные средства воздействия на граждан.

Так, стоит отметить, что муниципальные власти, как наиболее тесно взаимодействующие с населением, являются основными субъектами реализации профилактики экстремизма, поскольку они должны понимать специфику своего муниципального образования и возможные риски, связанные с отдельными социальными группами.

В-третьих, необходимо обратиться к средствам борьбы с экстремизмом. Экстремизм является одной из самых серьезных угроз современному миропорядку, поскольку не только нарушает конституционные права отдельно взятых граждан, но и представляет опасность для существования этнических групп и целых наций. При масштабной деятельности экстремистских групп и объединений сама идея существования организованного государства, функционирующего на базе законов, а тем более правового государства, становится утопией. Именно в силу данных характеристик этого явления представляется необходимым говорить именно о профилактике, проводимой с целью пресечения самой возможности экстремисткой деятельности, а не о попытках противодействия уже имеющейся проблеме.

Нужно понимать, что осуществить профилактику агитационного типа вербального экстремизма значительно проще, чем пропагандистского. Первому – легко противопоставить альтернативу, поскольку агитация предполагает совершение конкретных действий. Например, призыву поучаствовать в экстремистском пикете можно противопоставить привлечение к участию в других общественных мероприятиях в то же время. В данном случае основная работа муниципальной власти сводится к своевременному выяснению формального состава экстремисткой деятельности: когда планируется и на кого рассчитано мероприятие. В зависимости от потенциальной аудитории предложить возможную замену: для молодежи – бесплатный городской концерт, спортивные соревнования, выезд за город для участия в деятельности патриотической школы; для взрослых – мероприятия для всей семьи, городские гулянья

и прочее. Пропаганда же должна иметь достойное противодействие, формальных характеристик она не имеет, поэтому профилактика экстремисткой пропагандисткой деятельности должна идти постоянно.

С точки зрения большинства обывателей, экстремизм не имеет четких границ. По результатам опроса студентов очного и заочного отделений различных вузов города Екатеринбурга, проведенного в 2014–2015 годах, был выявлен высокий процент безграмотности в этом вопросе. Если студенты юридических вузов в целом (80–90%), даже в случае проблем с формулировкой термина, могут привести конкретные примеры, то в неюридических вузах студентам даже примеры даются с трудом (около 40–50%). У студентов, не обладающих специальными знаниями в сфере юриспруденции, к категории экстремизма относится феминизм, роскошная жизнь, неадекватное поведение и пр. многие из опрошенных не предполагают, что экстремизм может существовать в вербальной форме, относя к нему только террористические акты. Следовательно, данная категория населения оказывается совершенно незащищенной от планомерного воздействия пропаганды экстремизма, поэтому, выбирая средства, необходимо это учитывать.

В связи с этим необходимо проводить разъяснения среди граждан об экстремистских последствиях тех или иных действий. Зачастую, в силу низкой правовой культуры субъект не осознает масштабности результатов своих действий, просто не задумывается о возможных негативных последствиях для себя и своих близких. В частности, молодые люди активно принимают участие в различного рода флэшмобах, которые перерастают в политические акции и могут иметь негативные последствия для окружающих. Но участники даже не предполагают, что, приходя в определенное место в большом количестве, не согласовав это с местными властями, они могут спровоцировать массовые беспорядки и предоставить для правонарушителей благоприятные условия.

Однако разъяснения должны иметь характер не понижения гражданской активности или создания образа «врага», как часто бывает, а способствовать росту правосознания и, тем самым, защищенности общества от манипулирования со стороны экстремистов. Несколько лет назад в общественном транспорте г. Екатеринбурга в связи с повышением частотности террористических актов в России появились информационные листовки, описывающие примерный портрет террориста. Казалось бы, подобный шаг должен был повысить бдительность горожан и поспособствовать профилактике терроризма. Возможно, эта цель была достигнута, но появилось «побочное действие» – под данное описания потенциального террориста подходили практически все люди неславянской внешности, что вызвало озлобленность населения и даже факты правонарушений в отношении указанных лиц. Такой вид защиты граждан не приемлем в муниципалитетах с разнородным этническим составом. Поэтому необходимо уделять внимание созданию социальной рекламы, ориентированной на конкретных жителей.

Социальная реклама должна перейти из категории навязчивой и не воспринимаемой большинством граждан в категорию органичной части городского пространства. Учтя специфику экстремисткой пропаганды, следует обратиться к релевантным методам, т. е. привлечь новые источники информации – креолизованные тексты. Положительную динамику демонстрирует использование плакатов и билбордов социальной направленности. В нашем городе сейчас активно используются социальные плакаты по борьбе с пьянством, привлечению внимания к нравственным качествам человека, что является весьма положительным. Однако стоит отметить, что одновременно с этим коммерческие рекламные щиты демонстрируют совершенно противоположные ценностные категории. В связи с этим необходимо более внимательно подходить к выдаче разрешений на использование наружной рекламы и просматривать не только сами рекламные объявления, размещаемые на телевизионных экранах в городе, но и новостные вставки, анекдоты, развлекательные информацию, которая там демонстрируется.

Мы прекрасно понимаем, что подобное «цензурирование» приведет к двум последствиям: вызовет волну общественного недовольства и сильно увеличит штат служащих. В связи с этим предлагается следующий путь решения проблемы – необходимо наладить взаимодействие между муниципальной властью и общественностью, что позволит ликвидировать сразу обе проблемы. Население станет выражать свою волю, которая будет суверенной, а значит – заслуживающей доверия и легитимизирующей действия власти. Стоит активизировать функцию общественного контроля, тем самым переведя ответственность за наличие цензуры с муниципальной власти на общественные структуры. Институт волонтеров, который продемонстрировал большой объем положительных результатов в других сферах деятельности, мог бы быть применим и в этом направлении. Стоит активно возрождать институт дружинников, чтобы не увеличивать штат работников в сфере общественного правопорядка. Мы прекрасно понимаем, что официальные трибуны могут контролироваться властью, но пустые полотна в виде заборов и стен домов, как правило, остаются вне поля зрения. Общественные дружины могли бы контролировать данный вопрос.

Таким образом, следует понимать, что попытки защитить общество от экстремизма путем введения ограничительных мер со стороны государства не

приведут к положительным результатам, поскольку общество будет ущемлено в правах, еще до того, как осознает необходимость государственной защиты своих прав, что закономерно спровоцирует конфликт между обществом и властью любого уровня. Муниципальная власть должна взять на себя обязанность консолидации интересов государства и общества, реализуя тот самый принцип дуализма, который ей присущ, т. к. данный институт базируется на основе государственных и общественных начал, согласуя публичные и частногражданские механизмы функционирования. Как справедливо отмечает Д. А. Морозов, на данный момент, в контексте анализа системы управления за местным самоуправлением закрепляется публичные характеристики [15], что, как мы можем заметить, является не развитием демократии, а консервацией тоталитарных тенденций. В аспекте профилактики экстремизма первостепенной становится роль муниципальной власти, понимающей особенности конкретного муниципального образования и учитывающей их при реализации государственной программы. Нужно отметить, что оперативное ориентирование в ситуации «на месте» становится залогом положительной политики по профилактике экстремизма в России, в зависимости от общественных потребностей должны меняться средства и методы борьбы с этим явлением.

Литература:

1 Российский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2000. Т. 2.

2 *Долгова А. И., Гуськов А. Я., Чуганов Е. Г.* Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики. М., 2010. 244 с.

3 Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура: словарь-справочник / Автор-сост. профессор В. Ф. Пилипенко. М.: «ПЕР СЭ», 2005. 192 с.

4 О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в редакции от 8 марта 2015 г. № 23-ФЗ) // Российская газета. 30 июля 2002. № 138–139.

5 *Соловей В.* А был ли экстремизм? // Век. 2002. № 22 (489).

6 *Петрянин А. В.* Политический экстремизм как инструмент борьбы за власть // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития. Екатеринбург, 2014.

7 *Кузьмина Н. В.* Психолого-криминологический анализ субъективной стороны составов преступлений экстремистской направленности // Вопросы управления. 2010. № 1.

8 *Coleman Peter T.*; Bartoli Andrea. Addressing Extremism (англ.) (PDF). The International Center for Cooperation and Conflict Resolution (ICCCR), Teachers College, Columbia University // The Institute for Conflict Analysis and Resolution (ICAR), George Mason University.

9 *Галяшина Е. И.* Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. М.: Юридический Мир, 2006. 96 с.

10 *Ратинов А. Р.* Послесловие юриста. «Когда не стесняются в выражениях... » // Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами. Изд. 2, перераб. и доп. / Под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. М., 2004.

11 *Громова Н. С.* Свобода слова и вербальный экстремизм в России: лингво-правовой аспект: Монография. Екатеринбург: Уральский институт коммерции и права, 2015. 200 с.

References:

1 Russian Encyclopedic Dictionary / Ed. by Prokhorov A. M. M.: The scientific publishing house «Bolshaya Rossiyskaya enciklopediya», 2000. V. 2.

2 *Dolgova A. I., Guskova A. Ya., Chuganov E. G.* Problems of legal regulation of the fight against extremism and legal practice. M., 2010. 244 p.

3 Safety: theory, paradigm, concept, culture: Reference Dictionary / Author-composer Professor V. F. Philipenko. M.: «PER SE», 2005. 192 p.

4 On Combating Extremist Activity: Federal Law of 25 July 2002 № 114-FZ (date of reference 8 March 2015 № 23-FZ) // Rossiyskaya gazeta. July 30, 2002. № 138–139.

5 *Solovey V. A.* Whether there was an extremism? // Vek. 2002. № 22 (489).

6 *Petryanin A. V.* Political extremism as an instrument of power struggle // Gosudarstvo, politika, socium: vyzovy I strategicheskiye prioritety razvitiya. Yekaterinburg, 2014.

7 *Kuzmina N. V.* Psychological and criminological analysis of the subjective side of the crimes of extremist orientation // Voprosy upravleniya. 2010. № 1.

8 *Coleman Peter T.*; Bartoli Andrea. Addressing Extremism (engl.) (PDF). The International Center for Cooperation and Conflict Resolution (ICCCR), Teachers College, Columbia University // The Institute for Conflict Analysis and Resolution (ICAR), George Mason University.

9 *Galyashina E. I.* Linguistics vs extremism: To help the judges, investigators, experts / Ed. Prof. M.: Yuridicheskiy mir, 2006. 96 p.

10 *Ratinov A. R.* Lawyer's epilog. "When you do not mince words ..."// The concepts of honor, dignity and business reputation. Controversial texts of the media and the problems of their analysis and evaluation by lawyers. 2nd ed., Revised. and add. / Ed. by A. K. Simonov and M. V. Gorbanevskiy. M., 2004.

11 *Ggromova N. S.* Freedom of speech and verbal extremism in Russia: linguistic and legal aspects: Monograph. Yekaterinburg: Ural Institute of Commerce and Law, 2015. 200 p.

Литература:

12 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

13 *Большакова Л. С.* О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестник Новгородского государственного университета. 2008. № 49.

14 Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 328 с.

15 Морозов Д. А. Специфика местного самоуправления как социально-политического института // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. № 2.

References:

12 The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) (taking into account the amendments made to the law On amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 № 6-FKZ, of 30.12.2008 № 7-FKZ, of 05.02.2014 № 2-FKZ, of 21.07.2014 № 11-FKZ) // Collection of the legislation of the Russian Federation. 04.08.2014. № 31. Art. 4398.

13 *Bolshakova L. S.* The content of the concept of “polikod text” // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 49.

14 Internet communication as a new voice formation: collective monograph / Science Editor T. N. Kolokolceva, O. V. Lutovinova. M.: FLINTA: Nauka, 2012. 328 p.

15 *Morozov D. A.* The specifics of the local government as a socio-political institution // Izbestiya Tulskogo gosudarstveennogo universiteta. Gumanitarniye nauki. 2009. № 2.